

РУССКАЯ СКАЗКА

Птицу Сирин в небесах молнией сразило,
Пала — и течёт
Мёдом лета позднего.
Костяные лики лет щелку отворили,
Смотрят: не пора ли? —
Цепи ржавы, гроб хрустальный
Грянется, расколется,
Кровью вытечет на дно
Голубое наше золото, дымное, берёзовое! —
Милая, не плачь, не бойся —
Костяная навь морочит,
В чёрных гранях душной ночи
На террасе деревянной, в сад, распахнутый дождём,
Среди туч — забыта книга,
Колокольный звон берёз
Осень-Волхв поjala, скрыла
В кладях памяти, в пещерах, в тридесятых тронных залах, —
Слышишь хохот?
Навь-Моревна торжествует, яблоки роняет сад!
Спи, не бойся, доченька!
Помнишь, как там в сказке дальше:
«Жила-была мертвая царевна..» —
Дождь стихает, гроб висит,
Август-Зеркальце разбилося: нет
На свете краше, выше, глубже, постоянной,
Нет страшней и безысходней, слёзней, обречённой
Этой ночи в августе,

Этих мест и этой речи,
Страшно мёртвой вживе, сказочной, последней, —
Спи. Выходят семеро,
На руках несут царевну; плывет месяц-кладенец;
Серебро течёт и тает; небо любит нас;
Спи, моя хорошая.

ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ

Тот, кто старушку Европу
Прямо так, в инвалидном кресле, похитил, —
А та и не вопит, вообще не реагирует
На рёв, кровь, раздражители века,
Девичья память ссохлась,
Груды как птичьи, глаза лишены взгляда, —
Тот, бычий, лиловогубый,
Геронтофил тот
В смоляных ресницах, в ноздрях вздутых, в бряцаньи ятр,
Бычьи же гордый, лишённый
Крайней плоти, чувствилищ тонких, — вон, роет
В волнах волосатым боком
Толщи жирных нефтяных пятен, дохлых
Раздвигает мордой дельфинов, —
Тот не Зевс, нет.

Далеко не унесёт: бросит на полудороге
(У неё в капельнице — жизни кубика всего на два!
А он и не поглядел: бычьими мозгами
Адекватно соображали только олимпийцы).

ШАМАНИЗМ, КАК ОН ЕСТЬ

Истинного шамана никто не заставляет.

Истинный шаман таким уродился.

Истинного шамана призывают духи.

Истинный шаман

три дня лежит в красной горячке, а ещё три дня —
в белой лихорадке.

В это время демоны раздёргивают по частям его тело,
варят его в семи отварах,

дуют на него семью лихоманками,

голову приковывают к наковальне,

распяливают глаза и заставляют смотреть на всё это действие.

Потом они собирают шамана заново,

дарят ему увешанную амулетами кухлянку и бубен

и посылают лезть на берёзу.

Эта берёза, как гвоздь,

пробила и соединила меж собой

все три мира: небесный, земной и подземный.

И вот тут-то,

когда он, бедняга, и так настрадался,

висит, уцепившись за ветви берёзы,

и преисполнился чувства собственной значимости,

его настигает голос,

Голос:

«Эй ты,

не единственный, кто влез на ягодичину,

чтобы Меня увидеть!

Слезай — Я сегодня приду

вечерять в твоём чуме.

Приготовь доброй оленины,

И спирту доброго, и строганины — муксун, нельма, — Мы с тобою
будем праздновать долго!»

Шаман молчит, уцепившись

за сук берёзы.

Он узнал голос
и всё понял мгновенно.
Он только обескуражен: однако!
и что,
Ты, Бачка, не мог прийти раньше? и зачем надо было
Затевать все эти мои мученья
с тремя мирами?..
Ладно, думает. Спрошу, про всё ответишь.
Шаман разжимает руки и неуклюже
валится с берёзы в сугроб.
Ладно. Там, в чуме,
котелок уже вскипел, и зверобой, и брусника
томятся в чаю, и добрый жгучий спирт разлит по стаканам,
и седло олешки зажарено, и тепло, и жена, и детки,
и Гость у огня —
уселся и ждет,
прислонив у входа
Свои лыжи.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Навсегда за моей спиной закрылись городские ворота,
и бесчестье на страже. Полночь
в поле меня моя настигла: в жертвенные угли
помещу лавр и омелу, и сукровь чёрного овна,
и вот — что ж вижу? друзья мои матерей хоронят
там, на чужбине.

Неверное гаданье на пепле! скудная жертва!
и это — друзья мои безродные,
друзья вечные, отпрыски механического чародейства!..
Не знаю, что и сказать; молчит и Геката,
высокородная гостья ночная, и скрывает неловкость.

Что ж, поделом: когда-то и сам был я пеплом,
и сам в неурочную пору
хоронил своих матерей.

ДЕВЯТОЕ МАЯ

Первый поцелуй потустороннего мира,
родины яркости, чистоты и боли,
незабываем. Но ты забыла.

А я помню тебя, совсем юной.
Ночь, ледяной вешний праздник,
ты в почётном карауле
(где вы, магические цепи,
способные это укараулить!..)
Город замер в испарине страха,
в желчной немочи жертвенного агнца.
Город стал наполненным и тайным,
укромным местом Времени.
Ты бледна, только глаза бездонны,
колени над гольфами драгоценно сини,
Мириам, милая, юная жрица!
и алый галстук — как алая лента
крови поперёк девичьего горла,
а тонкая персть окаменела в салюте
над прозрачным лбом.

Каменный пантакль — пятиконечный
зев Вечного Огня, зов войны и крови.
Знак звезды, гул шагов бестелесных.
Какого возлюбленного предка
звала ты, Мириам, медиум мая?

И вот пламя задрожало, взметнулось
отчаянно, беззащитно. И они проступили
сквозь ночь потаённую: духи
воинов, павших под Оршей и Сталинградом,
демоны ненасытного голода, столпы империй
Аввадона. Гранит и железо.

Сомкнуты полированные веки,
каменные ступни как марево ада,
лица сини, сердца поросли когтями,
пробоины в груди струят ветер,
и волосы седые реют, как штандарты
чёрного военного солнца,
светила, светящего сонмам.

И вот один из них двинулся к кругу
Вечного Огня, всё ближе,
и затрепетали, готовые раскрыться,
стальные веки.

Я долго бежал по ночным проспектам,
нырял в подворотни, и гулкое сердце труса
летело за мной, стучало, кусало за лодыжки;
я упал у самых дверей и обмочился
горячей молитвой.

Теперь прошли годы, но той ночью
ты, девочка Мириам, сторела навечно
вместе с моей душой; да и
у многих ли из нас могла сохраниться душа?
Сонмы претекли; в горниле земной крови
сторели уставы адептов и веры.

Многое изменилось, Мириам, ни на йоту
не изменившись. И армия тонкой тьмы
полнит ряды. Но, быть может,
демон всё ищет — и не может поднять стальные веки,

дабы самому не узреть демона и не лишиться надежды, что светит и за гранью?

Кто я? Мириам, ты ответишь?

Вспоминая о тебе, я вижу будущее, вижу тебя. Вижу своего далекого деда, погибшего на далёкой войне, своим внуком, цепенеющим от астрального ужаса у Вечного Огня, ночью в мае.

ОБОРОТЕНЬ

Сентябрь; паутина, медь! Господня лица незамутнённый профиль пресветло плывёт из тонких миров на нерест, в верховья сфер (голубое, огненная слюда), — пора! всяк имеющий своего мертвеца, рой землю, клади мертвеца туда, предварительно вынув картофель.

Кошка Навь учится, покинув забор, ходить по земле; а то и, выскочив в лесополосу, перекинувшись через пень с ножом, лишь грянет заря, выходит Явью из собственных пор, не выделяется среди сентября и славит денницу воем.

Оборотень ест картофельное пюре,
перебирает застёжки хлада
на одеялах последнего зноя,
нюхает воздух в сторону церквей,
грызёт жухлый мех в одинокой норе,
не зрит в снах ни дев избыточных кровей,
ни стада, —

лишь Пастыря, стадо ведущего, прощающего всё —
и то, которое раз в сентябре, до утра,
воет, в бессилье понять свой путь, имя,
своих отражений пол;
о Ты, милосерд, что остановил Колесо!
ибо всё есть прощенье — и осень, и осиноый кол,
и пуля из серебра.